

НЕОЛОГИЗМЫ XXI ВЕКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОЧНИКИ И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Султанова Зулхумор Сабатуллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Ихтиерова Ирода

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы лексического обновления русского языка в начале XXI века. Анализирует источники неологии, уделяя внимание синтезу заимствований и внутренних ресурсов языка. Исследуются процессы адаптации новых единиц в цифровой среде.

Ключевые слова: неологизм, заимствование, семантическая деривация, русский язык, интернет-коммуникация.

Abstract. The article examines the mechanisms of lexical renewal of the Russian language at the beginning of the 21st century. The author analyzes the sources of neology, focusing on the synthesis of borrowings and internal language resources. The processes of adaptation of new units in the digital environment are investigated.

Keywords: neologism, borrowing, semantic derivation, Russian language, internet communication.

Исследование лексической системы русского языка на современном этапе позволяет констатировать состояние беспрецедентной динамики, которую исследователи часто характеризуют как «неологический бум». В начале XXI века язык столкнулся с вызовами, масштаб которых сопоставим с наиболее радикальными преобразованиями прошлых эпох. Если

рассматривать язык как зеркало коллективного сознания, то современный этап его развития можно описать как процесс тотальной перекодировки реальности, где каждое новое слово становится симптомом глубоких культурных и технологических трансформаций. Теоретическое осмысление неологии в работах классиков, таких как Н. З. Котелова, постулирует, что неологизм — это прежде всего факт социального восприятия. Слово остается новым до тех пор, пока носители языка ощущают его «чужеродность» или специфическую свежесть. Однако в условиях глобальной цифровизации хронологические рамки этого процесса радикально сузились. Если ранее путь слова от окказионализма до общеупотребительной нормы занимал десятилетия, то сегодня этот процесс, благодаря сетевым коммуникациям, ускоряется до нескольких месяцев. Критический анализ работ современных лингвистов, в частности М. А. Кронгауза, позволяет увидеть в этом ускорении не только количественный рост словаря, но и качественное изменение речевого поведения, где «новизна» становится обязательным атрибутом успешной коммуникации. Мы наблюдаем, как язык превращается в гибкий интерфейс между человеком и сверхбыстрой информационной средой¹.

Основным вектором пополнения словарного состава выступает внешняя рецепция, выраженная в массивном притоке англицизмов. Однако природа этих заимствований в XXI веке претерпела существенные изменения. Мы имеем дело не просто с импортом звуковых оболочек, а с переносом целых понятийных систем. Когда в язык входят такие лексемы, как «блокчейн», «маркетплейс» или «стартап», они не просто называют новые объекты, но и привносят специфический контекст деятельности, который невозможно адекватно передать средствами исконной лексики без потери точности. Иноязычное слово сегодня выступает в роли эффективного «когнитивного упаковщика», позволяющего экономить речевые усилия. Вместо длинных

¹ Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель, 2012. С. 115.

описательных конструкций язык выбирает краткую заимствованную форму, которая мгновенно становится международным стандартом. В этом смысле заимствование выступает не как признак слабости системы, а как инструмент её интеграции в глобальное информационное пространство. При этом критики часто указывают на риск потери языковой самобытности, однако историческая ретроспектива показывает, что русский язык обладает колоссальной способностью к абсорбции чужеродных элементов, превращая их в строительный материал для собственного развития. Процесс заимствования сегодня — это акт интеллектуального импорта, где слово служит ключом к новой экономической и технологической парадигме.

Не менее значимым источником неологии является семантическая деривация, представляющая собой процесс «второго рождения» слова. Это уникальный механизм, при котором знакомая форма наполняется принципиально иным содержанием. Если интерпретировать идеи исследователей-семасиологов, то семантический неологизм — это результат метафорического моста между физическим миром и виртуальной реальностью. Слово «облако» перестает ассоциироваться исключительно с атмосферными явлениями, становясь обозначением удаленной инфраструктуры хранения данных. «Вирус» окончательно закрепляется в сознании не только как биологическая угроза, но и как информационный механизм. Такая «дематериализация» значений свидетельствует о том, что центр тяжести человеческой деятельности сместился в сторону знаковых и информационных систем. Язык в этом процессе проявляет себя как гениальный импровизатор, который не спешит создавать новые формы, если можно эффективно переосмыслить старые. Это создает эффект непрерывности языковой традиции, где древние корни адаптируются для обслуживания футуристических технологий. Критический разбор семантических сдвигов показывает, что именно в этой зоне происходит

наиболее тонкая работа национального сознания, приручающего новые смыслы через привычные образы. Язык сохраняет преемственность, наделяя старую плоть слова обновленным цифровым духом.

Неологизация XXI века носит системный и тотальный характер. Источники новых слов — будь то внешние заимствования или внутренняя семантическая переработка — работают в тесном соавторстве. Появление нового слова всегда обусловлено прагматическим запросом: обществу требуется имя для явления, которое только что возникло или осознано как значимое. В этом контексте неология выступает как способ интеллектуального освоения мира. Русский язык на современном этапе демонстрирует высокую степень открытости, активно впитывая внешние влияния, но при этом сохраняя способность к их глубокой внутренней переработке. Каждое новое слово, входящее в обиход, — это не просто лексическая единица, а микроскопический шаг в эволюции человеческого мышления, фиксирующий те изменения, которые происходят в структуре наших ценностей, технологий и способов общения. Мы видим, как в горниле повседневной речи формируется новый лексический ландшафт, отражающий стремление человека XXI века к предельной точности и глобальной связности.

Морфологическое словообразование в XXI веке остается самым продуктивным способом создания неологизмов на базе внутренних ресурсов. Пересказывая концепции Е. А. Земской, можно утверждать, что русский язык обладает уникальной способностью к «одомашниванию» любого внешнего материала. Едва заимствованное слово пересекает границу речевого обихода, оно попадает под мощное давление русской словообразовательной парадигмы. Мы наблюдаем, как английские корни мгновенно обрастают русскими суффиксами и приставками, создавая гибридные формы, которые уже невозможно назвать чисто иностранными. Глаголы типа «лайкнуть», «хейтить» или «стримить» — это яркие примеры того, как иноязычная основа

подчиняется законам русской флексии. Это свидетельствует о незыблемости грамматического ядра языка: он готов менять лексический состав, но не позволяет разрушать свою структурную основу, превращая любой «чужой» корень в «свой» грамматический объект².

Особую роль в современной неологии играет композиция — сложение основ, которое приобрело в последние десятилетия характер лавинообразного процесса. Появление огромного количества сложных слов с компонентами «медиа-», «интернет-», «кибер-», «бизнес-» отражает стремление человеческого мышления к синтетизму. Если интерпретировать идеи Л. В. Рацибурской, то сложение основ сегодня выступает как наиболее рациональный способ номинации сложных объектов. Вместо синтаксического словосочетания язык выбирает форму композита, что позволяет более точно зафиксировать целостное понятие в рамках одной лексемы. При этом многие компоненты начинают вести себя как полуаффиксы, участвуя в создании целых серий слов по единой модели. Это напоминает модульное конструирование, где из готовых блоков создается бесконечное множество вариаций для именованья текущих реалий цифрового быта. Язык стремится к краткости, и аббревиация, вышедшая за пределы бюрократического дискурса в живую речь мессенджеров, становится главным инструментом этой компрессии. Мы видим, как морфология адаптируется к скоростным режимам современной коммуникации, превращая слово в компактный и функциональный сигнал³.

Процесс социализации неологизма — его превращение из индивидуального новшества в общее достояние — в современную эпоху тесно связан с феноменом интернет-дискурса. Социальные сети стали главной лабораторией, где слова проходят испытание на жизнеспособность в режиме

² Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта, 2011. С. 156.

³ Рацибурская Л. В. Новые явления в словарном составе современного русского языка. М.: Флинта, 2012. С. 48.

реального времени. Если художественно пересказать мысли исследователей сетевой коммуникации, то интернет-речь представляет собой глобальный «плавильный котел», где стираются грани между профессиональным жаргоном, технической терминологией и повседневным сленгом. Неологизмы в этой среде выполняют роль социальных маркеров, определяющих принадлежность человека к той или иной информационной группе. Использование таких слов, как «токсичный», «абьюз» или «кринж», отражает глубокую психологизацию современного общества и потребность в новых эмоциональных детерминантах. Однако этот же процесс несет в себе риск быстрой архаизации: слова, ставшие сверхпопулярными, так же быстро «выгорают» и уходят на периферию, уступая место следующим инновациям. Это создает эффект постоянной лексической текучести, требующий от носителя языка непрерывной когнитивной подстройки под меняющийся лингвистический ландшафт.

Завершающим этапом жизни неологизма является его лексикографическая фиксация, которая в XXI веке столкнулась с серьезным кризисом традиционных форм. Бумажные словари, подготовка которых занимает годы, объективно не успевают за динамикой живой речи. Пересказывая идеи составителей современных академических ресурсов, можно заметить, что лексикография переходит к дескриптивным методам мониторинга на базе Big Data. Статус слова теперь определяется не столько субъективным мнением лингвиста, сколько его реальной частотностью в национальных корпусах языка. Это меняет саму философию нормы: она становится более демократичной, открытой и менее жесткой в своих запретах. Исследование неологизмов XXI века приводит нас к выводу, что русский язык находится в фазе активного синтеза. Он не просто принимает новое, он творчески перерабатывает его, превращая глобальные влияния в ресурсы для собственного развития. Неологизмы сегодня — это не мусор на поверхности

языка, а живая ткань новой реальности, в которой фиксируется уникальный опыт адаптации человека к стремительно меняющемуся миру. Язык доказывает свою истинную силу через способность называть будущее, сохраняя при этом фундаментальный код своей исторической идентичности.

Список использованной литературы:

1. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта, 2011.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Астрель, 2012.
3. Котелова Н. З. Теоретические аспекты неологии // Избранные труды. — СПб., 2015.
4. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в. — М.: ЭЛПИС, 2013.
5. Рацибурская Л. В. Новые явления в словарном составе современного русского языка. — М.: Флинта, 2012.
6. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010.